

5.

Гимнъ къ Афродитѣ *).

(№ III.)

Слѣдуя плану, принятому мною въ предыдущихъ параграфахъ, начинаю разсмотрѣніе большого проэмія въ честь Афродиты (№ III) съ изложенія его содержанія.

Вступительные стихи проэмія заключаютъ въ себѣ обычное воззваніе къ Музѣ и указаніе на сюжетъ произведенія. Такимъ образомъ мы съ первыхъ же словъ узнаемъ о намѣреніи поэта воспѣть дѣла Афродиты,—этой всеспільной богини, сумѣвшей покорить своей власти и безсмертныхъ, и смертныхъ, и звѣрей земныхъ, и птицъ небесныхъ. Противъ чаръ Киприды не можетъ устоять никто, и только три богини,—Аѳина, Артемида и Гестія,—не поддаются ея вліянію, сурово презирая соблазны любви: Аѳинѣ пуще всего полюбилися ратные подвиги да мастерства разныя, Артемида тѣшитъ себя охотою да хороводами въ товариществѣ лѣсныхъ нимфъ, а Гестія поклялась великою клятвою всегда хранить дѣвство и за то получила отъ Зевса почетную привилегію возсѣдать въ храмахъ боговъ и жилищахъ людей на первомъ мѣстѣ. Но это исключенія,—для всѣхъ же прочихъ борьба съ могущею собственною Афродитою не подъ силу, и, покорствуя ей, даже Кронида покидаетъ свою законную супругу для связей съ смертными женами (стт. 1—44).

Однако не избѣжала общей доли и сама Афродита. Владыка боговъ и людей внушилъ и ей любовь къ смертному мужу, дабы она не издѣвалась впередъ надъ жертвами своей прихоти, не похвалялась передъ ними собственною чистотою. Онъ заставилъ ее полюбить прекраснаго Анхиса, пасшаго стада на склонахъ обильной источниками Иды. Лишь только увидала дочь Зевса юношу, видомъ и станомъ подобнаго небожителямъ, тотчасъ же страстное желаніе овладѣть имъ

*) Къ литературнымъ указаніямъ, за которыми отсылаю читателей къ Гемоллю (стр. 257), могу добавить слѣдующее: Is. Ritson *Homer's Hymn to Venus*, transl. from the greek with notes (Lond. 1788); R. Peppmüller *Zum Hymnus auf Aphrodite* (Philolog. 1888, стр. 13 сл.); A. Ludwig *Zu d. hom. Hymnen* (Rh. Mus. 1888, стр. 566 сл.).

прокралось въ ея сердце. Она идетъ въ Пафъ, гдѣ Хариты омывають ея тѣло, умащаютъ ее благовоніями, украшаютъ драгоценностями и одѣваютъ въ роскошныя одежды, а оттуда поспѣшно устремляется къ Троѣ, на Иду. По пути волки, львы, медвѣди и барсы толпятся вокругъ нея, ластятся къ ней и вдругъ объятые по манію богини любовнымъ вожделѣніемъ расходятся парами по своимъ логовищамъ. Вотъ наконецъ приближается она къ шатрамъ пастуховъ и застаётъ здѣсь Анхиса въ полномъ одиночествѣ: оставленный ушедшими со стадомъ товарищами близъ загона, онъ прохаживается взадъ и впередъ и бряцаетъ на киварѣ (стт. 45—80).

Чтобы не утратить юношу своимъ видомъ, Афродита уподобляется обыкновенной смертной дѣвушкѣ, но ея ростъ, красота и пышное убранство все таки обличаютъ въ ней небожительницу. Именно такое впечатлѣніе она и производитъ на Анхиса, который поэтому спѣшитъ обратиться къ ней съ мольбою о милости. Тогда богиня рассказываетъ ему вымышленную исторію о томъ, кто она, откуда и какъ попала на Иду: напрасно де онъ приписываетъ ей божественное происхожденіе,—она смертная, родомъ изъ Фригіи, дочь царя той страны Отрея; ее вскормила мамка-тройнка, и вотъ почему она владѣетъ нарѣчіемъ Троады такъ же, какъ природнымъ, фригійскимъ; что же касается ея внезапнаго появленія у пастушьихъ шатровъ, то сюда привелъ ее Гермесъ, похитившій ее прямо изъ хоровода Артемиды; онъ указалъ ей на Анхиса, какъ на будущаго ея супруга, назначеннаго будто бы ей самимъ Зевсомъ, и скрылся; поэтому она умоляетъ теперь благороднаго Дарданида показать ее своимъ родителямъ и родственникамъ и, если тѣ найдутъ ее подходящею для него невѣстою, то отправить торжественное посольство во Фригію, къ ея отцу, который дастъ за нею приличное для царской дочери приданое (стт. 81—143).

Лишь только кончила лукавая дочь Зевса рѣчь свою, сладостное желаніе проникло въ сердце юноши. Воспламененный внезапно возгорѣвшеюся любовью, онъ не можетъ ждать свадьбы,—онъ хочетъ немедленно воспользоваться будущими своими правами:

„Если смертная ты и отъ смертной жены родилась“, — восклицаетъ онъ, —

„Если отецъ твой—Отрей знаменитый, какъ ты увѣряешь,

„А привелъ тебя въ горы сюда божественный вѣстникъ

„Гермесъ, дабы ты была мнѣ навѣки супругою милой, —
„Вѣрь, — никто, будь онъ богъ или смертный, — меня не удержитъ:
„Здѣсь же, тотчасъ же любовью твоею хочу насладиться
„И исполню желанье, хотя бъ Аполлонъ сребролукій
„Гибелью мнѣ угрожалъ, свои звонкія стрѣлы метая.
„Ложе съ тобой раздѣливъ, — о, богинямъ подобная видомъ! —
„Любо мнѣ будетъ сойти въ туманное царство Аида“ (стт. 144—155).

Съ этими словами Анхисъ беретъ богиню за руку. Афродита стыдливо потупляетъ очи, но не сопротивляется. Послушная велѣніямъ рока, она идетъ за юношею на мягкое ложе, устланное медвѣжьими и львиными шкурами, и — бессмертная — отдается смертному. Ему же и на умъ не вспало, что съ нимъ возлежитъ богиня (стт. 156—168).

Подъ вечеръ, когда стада возвращаются съ пастбища, сладкій сонъ смежилъ вѣжды Анхиса. Тогда дочь Зевса поднялась съ его ложа, одѣлась и, сбросивъ съ себя несвойственный ей видъ фригійской царевны, вновь преобразилась въ сіяющую блескомъ непобѣдимой красоты небожительницу. Она ласково разбудила своего возлюбленнаго и предстала предъ нимъ во всемъ своемъ величіи. Но при видѣ божества ужасъ обуялъ бѣднаго пастуха, и онъ поспѣшилъ закрыть плащемъ лицо свое. Пораженный и уничтоженный, онъ уже едва смѣетъ молить прекрасную Киприду о пощадѣ: вѣдомо ему, что не жилецъ тотъ на свѣтѣ, кого подарила своимъ расположеніемъ богиня. Но страхъ его напрасенъ. Афродита ободряетъ его милостивыми словами и возвѣщаетъ ему, что отъ нея ему долженъ родиться сынъ, который будетъ царствовать надъ троянцами и отъ котораго произойдетъ многочисленное потомство. Названъ будетъ младенецъ Энеемъ въ воспоминаніе о позорѣ его матери, взошедшей на ложе смертнаго ³⁰²). Впрочемъ, — прибавляетъ тутъ же въ свое оправданіе богиня, — не она первая испытала такое униженіе: родъ Дарданидовъ искони былъ особенно близокъ къ богамъ, и похищеніе Ганимеда — съ одной стороны, любовь розоперстой Эò къ Тифону — съ другой достаточно подтверждаютъ это. И Ганимедъ, и Тифонъ получили даже въ удѣлъ безсмертіе. Но Эò не догадалась попросить Кронида, чтобы вмѣстѣ съ безсмертіемъ избраннику ея

³⁰²) Въ текстѣ непереводимая игра словъ: τῷ δὲ καὶ Αἰνείας ὄνομ' ἔσσεται, οὕτως ἢ αἰὼν ἔσται ἄχος, ὅτι ἢ βροτῶν ἀνέρος ἔρπετον εὐνῇ (ст. 198 сл.).

дана была и вѣчная молодость,—и вотъ онъ по ея милости осужденъ. теперь безъ конца терпѣть муки безсильной, беспомощной старости. Подобной ужасной участи Афродита не желаетъ Анхису и потому не будетъ по примѣру Эд добиваться продленія его жизни на вѣчныя времена; нѣтъ, пусть его жребій не отличается отъ жребія прочихъ смертныхъ. Сына же своего она отдастъ на воспитаніе идѣйскимъ Дріадамъ. Когда онъ возростетъ, онѣ приведутъ его къ отцу, и тотъ можетъ тогда взять его въ домъ свой. Но бѣда, если проговорится, кто мать богоподобнаго отрока: Зевсъ въ гнѣвѣ поразитъ его въ такомъ случаѣ своимъ перуномъ (стт. 169—293).

* * *

Небольшое (около 300 стт.) стихотвореніе, здѣсь изложенное, имѣетъ сравнительно съ прочими гомерическими гимнами много преимуществъ: его текстъ сохранился такъ хорошо, какъ только этого можно желать, его сюжетъ отличается необыкновенною простотою и совершенною цѣльностью, его языкъ представляетъ лишь самыя ничтожныя уклоненія отъ языка „Иліады“ и „Одиссеи“, наконецъ его стихотворная форма согласно признается образцомъ изящества и благородства. Въ виду всего этого казалось бы, что и въ сужденіяхъ о немъ должно было бы господствовать полное единодушіе. Но на самомъ дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то, и, быть можетъ, нигдѣ справедливость латинской поговорки „*quot homines, tot sententiae*“ не обнаруживается болѣе наглядно, какъ именно въ критическихъ отзывахъ о гимнѣ къ Афродитѣ. Все, — начиная съ вопроса о художественномъ достоинствѣ произведенія и кончая его заглавіемъ, — все въ этомъ гимнѣ подвергается спору и служитъ предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ.

Несомнѣнно, что фабула, остановившая на себѣ вниманіе нашего гимнографа, — весьма древняго происхожденія. Она уже была извѣстна Гомеру (В 820 sq., Е 247, 248; 313; У 307 sq.), слѣды ея находимъ далѣе въ гесіодовой „*Θεογονίᾳ*“ (ст. 1008 сл.), а киклики не только знали, но и, какъ можно съ вѣроятностью предполагать, значительно развили ее и разукрасили многими новыми подробностями. Такимъ образомъ назвать съ увѣренностью непосредственный литературный

источникъ разсматриваемаго стихотворенія нелегко, и догадка Гроддека, будто такимъ источникомъ для него послужили извѣстныя „Кипрскія пѣсни“ (τὰ Κύπρια ἔπη), приписывавшіяся одними Стасину, другими Гегесію, давнымъ давно перестала подкупать изслѣдователей своею кажущеюся правдоподобностью³⁰³). Мы можемъ только сказать, что, кто бы изъ его предшественниковъ-рапсодовъ ни вдохновилъ автора гимна, во всякомъ случаѣ послѣдній сумѣлъ обработать свою скользкую тему мастерски: онъ сумѣлъ сообщить своему разсказу отпечатокъ наивности и граціи и вездѣ остаться въ предѣлахъ строгаго приличія. Созданный имъ образъ Афродиты классически прекрасенъ. Полный женственной мягкости и вмѣстѣ съ тѣмъ величія,—этотъ образъ вполне соотвѣтствуетъ тому возвышенному типу богини красоты, который много лѣтъ спустя былъ воплощенъ Праксителемъ въ его знаменитой книдской статуѣ. Не грубая чувственность, а нѣжный порывъ первой любви влечетъ героиню нашего гимна къ шатрамъ идѣйскихъ пастуховъ. Она идетъ, всѣмъ по пути расточая дары свои, и подъ ея благотворнымъ вліяніемъ стихаютъ даже кровожадные инстинкты барсовъ и львовъ. Одинъ взглядъ на нее зажигаетъ неудержимую страсть въ груди Анхиса³⁰⁴), но она отвѣчаетъ на его ласки стыдливо и робко (μεταστρεφθεῖσα, κατ' ὀμματα καλὰ βαλοῦσα), она отдается ему лишь потому, что не въ ея силахъ противиться высшимъ опредѣленіямъ судьбы (θεῶν ἰότητι καὶ αἵσῃ), и ощущаетъ при этомъ жгучее чувство униженія и стыда (μὲν αἰνὸν ἔσχεν ἄχος,— ст. 198 сл.), осыпаетъ себя горькими укоризнами (ст. 252), закликаетъ своего возлюбленнаго не разглашать ея позорной тайны (ст. 286 сл.). Всѣми этими тонкими чертами поэтъ умѣло воспользовался для того, чтобы одухотворить, идеализировать образъ воспѣваемаго имъ божества, и я не вижу, гдѣ же

³⁰³) Эту догадку приняли Eichstaedt (см. Handwörterbuch d. schönen Künste, 1794, II, стр. 602) и Fr. Jacobs (Prolegg. ad Tzetz. Antehom. p. XXIV). Опроверженіе ея представили Ilgen (p. 481 sq.), A. Matthiae (Animadv. p. 68 sq.), Henrichsen (De carmin. Cypr. Havniae. 1828. p. 80 sq.), Baumeister (p. 251). Срв. Thiele Prolegg. ad h. in Venerem hom. IV (Halis. 1872). Стр. 7.

³⁰⁴) Ст. 91: Ἀγχίστην δ' ἔρος εἶλεν καὶ. Пеппмюллеръ (l. l.) предложилъ вмѣсто ἔρος читать τᾶφος,—напрасно: это слово ничего не прибавило бы къ тому, что сказано раньше въ ст. 84 (ἐφράζετο θαύμασιν τε),—оно было бы лишь вялымъ повтореніемъ.

тутъ та „species Vulgivagae“, которую его Афродитѣ навязываетъ Баумейстеръ ³⁰⁵).

Что же касается изложения, то оно повсюду равно, спокойно, эпически широковыщательно. Пространному вступленію, въ которомъ описывается могущество Киприды, соответствуетъ столь же пространное заключеніе, посвященное прославленію Энеадовъ въ лицѣ ихъ предковъ. Интересъ читателя непрерывно поддерживается рядомъ занимательныхъ эпизодовъ,—о Ганимедѣ, Тифонѣ, Дріадахъ,—которые очень искусно вплетены въ нить разсказа и свидѣлствуютъ объ изобрѣтательности автора, нашедшаго въ граціозныхъ мифахъ Трояды средство нѣсколько оживить и уразнообразить бѣдный дѣйствіемъ сюжетъ гимна. Поэтому, если бы лучшій изъ этихъ эпизодовъ,—разсказъ о Дріадахъ (ст. 259—274),—мы вмѣстѣ съ Гроддекомъ, Ильгеномъ, іенскими филологами (см. прим. 305) и Гуттманомъ рѣшили бы удалить изъ текста, какъ интерполяцію, то врядъ ли бы стихотвореніе отъ того выиграло. Вообще нужно, я думаю, отличать особенною требовательностью или, лучше сказать, придирчивостью, чтобы усматривать отсутствіе единства даже въ столь повидимому цѣльномъ, законченномъ и закругленномъ произведеніи, какъ гомерическій гимнъ къ Афродитѣ. И въ самомъ дѣлѣ даже Германнъ, державшійся того мнѣнія, что въ числѣ большихъ гимновъ Гомера нѣтъ ни одного свободного отъ интерполяцій ³⁰⁶),—даже онъ признавалъ наше стихотвореніе наименѣ пострадавшимъ отъ чужой руки ³⁰⁷) и наиболѣе достойнымъ того славнаго имени, съ которымъ оно намъ завѣщено древностью ³⁰⁸). Лишь упомянутые выше іенскіе ученые нашли возможнымъ примѣнить и къ нему разрушительныя приемы сторонниковъ контаминаціонной теоріи и разложили его

³⁰⁵) Op. I. p. 250. Чтобы спасти репутацію Афродиты, какъ богини, охраняющей будто бы „святость супружества и чистоту любви“ (sanctitatem connubii amorisque), члены іенскаго филологическаго общества въ посвященномъ Гёттлингу трактатѣ о гимнѣ (H. in Ven. Göttingio a. 1865 oblatus, p. 10) устраняютъ изъ него стихи 36—52, „quod Venerem vulgivagam praedicent“.

³⁰⁶) Ad Ilgen. p. XX: De majoribus Homeri hymnis nullus est, quem alii poëtae non interpolaverint; conjunxerunt enim librarii diversarum recensio-
lectionum.

³⁰⁷) Ibid. p. 90. По мнѣнію Германа гимнъ къ Афродитѣ обнаруживаетъ слѣды двухъ рецензій, изъ коихъ одна лежитъ въ основаніи текста московскаго кодекса, другой же слѣдуютъ прочіе списки.

³⁰⁸) Ibid. p. 89. Срв. также его примѣчаніе къ ст. 86.

на четыре самостоятельны части, принадлежавшія будто бы первоначально къ четыремъ различнымъ поэмамъ. Но ихъ попытка, сколько мнѣ извѣстно, не вызвала ни сочувствія, ни соревнованія, и іенское изданіе въ ученой литературѣ, посвященной третьему гимну, заняло совершенно уединенное мѣсто.

Подобная попытка впрочемъ уже по одному тому не могла считывать на успѣхъ, что языкъ и стихотворная форма во всѣхъ частяхъ памятника отмѣчены чертами полного единообразія. Будучи признаваемъ „гомеричнѣйшимъ“ (*ὁμηρικώτατος*) по своему тону, — эпически-спокойному, сдержанному и серьезному, — и по умѣнью автора трактовать избранный сюжетъ съ рѣдкимъ изяществомъ, легкостью и непринужденностью, гимнъ къ Афродитѣ, быть можетъ, скорѣе всего заслуживаетъ такого названія именно въ силу особенностей языка и версификаціи. По счету Фиткау³⁰⁹⁾ въ 293 стихахъ этого произведенія заключается только 23 негомерическихъ слова (изъ нихъ шесть гесіодическихъ), — стало быть, одно негом. слово приходится на каждые $12\frac{3}{4}$ ст. Въ области морфологіи всѣ отступленія отъ обычнаго эпическаго употребленія ограничиваются слѣдующимъ: 1) родит. множ. отъ существительныхъ перваго скл. гимнографъ образуетъ посредствомъ окончанія — *ων* вм. *ων* = *έων*; 2) въ пяти случаяхъ (изъ 55) встрѣчается въ гимнѣ форма дат. множ. на *αις*, *οις* вм. *αἰσι* (*ῥσι*), *οἰσι* (у Гомера крайне рѣдко: М 284, ε 119); 3) въ стт. 54, 125 сл. читаемъ *ὄρεσι*, *ποσί*, *λέχεσι* вм. *ὄρέεσσι*, *πόδεσσι*, *λεχέεσσι*; 4) форма неопр. накл. *καλέεσθαι* имѣетъ въ ст. 125 необычное значеніе fut. pass. (= *καληθήσεσθαι*)³¹⁰⁾. За то съ другой стороны въ употребленіи *πῆτα*, въ продолженіи и сокращеніи гласныхъ³¹¹⁾, въ чередованіи дактилическихъ и спондеическихъ стопъ, въ цезурахъ гимнъ совершенно подходитъ къ нормѣ гомеровыхъ поэмъ, и мы не знаемъ ни одной аномаліи, на которую

³⁰⁹⁾ Fietkau op. s. l. p. 28.

³¹⁰⁾ Сомнительныя формы *λέχεσι* и *καλέεσθαι* въ ст. 125 устраниются превосходною конъектурою Пепинюллера, предложившаго (l. l.) читать въ означенномъ мѣстѣ *παρὰ λεχέεσσι κληθήναι*. — О языкѣ гимна кромѣ указанныхъ выше трудовъ Виндиша, Фика, Флаха, Кёна, Эбергарда см. Thiele op. l. p. 32 sqq. и Suhle De h. hom. IV (Stolp. 1878).

³¹¹⁾ „Attica correptio“ въ ст. 114, 131, 180, 188 не представляетъ ничего необычайнаго: срв. напр. Hartel's Hom. Studien, I², 81; Is. Hilberg „Zur Lehre von der Attica correptio bei Homer“ (Wiener Studien, I, стр. 155 сл.). Относительно *κᾶλός* (ст. 29, 261) см. Thiele o. l. p. 26 sq.

здѣсь стоило бы указать. Относительно дигаммы позволительно сомнѣваться, зналъ ли ее еще гимнографъ, какъ живой звукъ, но во всякомъ случаѣ въ нашемъ текстѣ это звукъ почти постоянный, — гораздо болѣе постоянный, нежели напр. въ гесіодическихъ произведеніяхъ ³¹²).

Въ этой близости къ Гомеру, согласно признаваемой за гимномъ къ Афродитѣ всѣми изслѣдователями, — близости, обнаруживающейся въ стилѣ, языкѣ и метрѣ, — разумѣется, невозможно усматривать единственно лишь результатъ намѣреннаго и сознательнаго подражанія. Нельзя поэтому осуждать тѣхъ, которые напротивъ въ ней видятъ главное свидѣтельство въ пользу глубоко-древняго происхожденія памятника. Съ другой стороны справедливо однако и то, что изъ всѣхъ стихотвореній нашей коллекціи ни одно не обнаруживаетъ формальной зависимости отъ своего высокаго образца въ такой мѣрѣ, какъ именно это, — ни одно не обилуетъ въ такой степени, какъ оно, прямыми заимствованіями изъ „Иліады“ и „Одиссеи“. Это замѣтилъ уже Гроддекъ, принимавшій это обстоятельство за явное подтвержденіе своей догадки о существованіи тѣсной связи между гимномъ и „Кипрскими пѣснями“ Стасина, извѣстнаго подражателя Гомера ³¹³). По счету Виндиша ³¹⁴) больше двадцати стиховъ гимнографъ взялъ изъ гомеровыхъ поэмъ цѣликомъ. Кромѣ того тотъ же ученый насчитываетъ въ нашемъ стихотвореніи около ста семидесяти пяти полустипій и отдѣльных формулъ, составляющихъ также плодъ заимствования. Конечно изъ этого количества многое необходимо отнести на счетъ общаго для всѣхъ пѣвцовъ эпического аппарата, но все таки въ остаткѣ на долю Гомера и въ такомъ случаѣ придется весьма почтенное quantum. Къ тому же въ гимнѣ, далѣе, немало и такихъ стиховъ, въ которыхъ, если и нѣтъ непосредственнаго заимствования, то во всякомъ случаѣ есть слѣдъ замѣтныхъ усилій поэта какъ можно ближе подойти къ гомеров-

³¹²) Срв. Flach. op. l. p. 14 sq.; Abel praef. p. XVII sq. Eberhard Metr. Beob., II, стр. 20 сл.

³¹³) Groddeck p. 42: „Fac igitur hymnographum encomii materiem, quamvis ad carminis sui naturam, rationem atque consilium attemperatam, a Stasini Cypriis ἐπεισι mutuasse; nec miraberis, cur illud ceteris tantopere praestet, ut ὁμηρικώτατον jure appellari debeat. Cypria enim carmina Homericorum virtutes paene adaequasse, ex communi jam Herodoti aetate increbrescente opinione, ea Homeri partum esse, colligo“.

³¹⁴) Windisch op. c. p. 41 sqq.

скому способу выражения. Таковы напр. стт. 1 ($=\alpha$ 1), 74 ($=x$ 479), 132 ($=\delta$ 64), 281 ($=t$ 502 sq.) и мн. др. Вообще талантъ автора, очевидно, не отличался особенною оригинальностью, и при сопоставленіи напр. съ гермесовымъ гимномъ произведеніе его блѣднѣетъ. Тѣмъ не менѣе было бы совершенно несправедливо на этомъ основаніи вмѣстѣ съ Зиттлемъ³¹⁵⁾ относить рассматриваемый проэмій „къ наихудшимъ въ своемъ родѣ“ (zu den schlechtesten in seiner Art) или вмѣстѣ съ Бергкомъ³¹⁶⁾ и Зуле³¹⁷⁾ считать поэта просто посредственностью. Вспомнимъ, что бѣльшая часть произведеній первоклассныхъ римскихъ стихотворцевъ отмѣчена точь въ точь такими же чертами подражательности, какъ и наша поэма,—и однако смотримъ ли мы на Виргилія или на Горація, какъ на посредственность? Гимнъ къ Афродитѣ бесспорно обладаетъ многими эстетическими достоинствами. Иначе чѣмъ бы мы могли объяснить себѣ силу того впечатлѣнія, которое онъ производилъ на такихъ тонкихъ критиковъ, какъ Германнъ или К. О. Мюллеръ? Обиліе заимствованій изъ Гомера, обнаруженныхъ въ его текстѣ Виндишемъ и другими, можетъ весьма легко найти себѣ оправданіе и въ обычаяхъ вѣка, не знавшаго нынѣшнихъ представленій о литературной собственности, и въ молодости гимнографа, не успѣвавшего еще, вѣроятно, достаточно отрѣшиться отъ школьныхъ вліяній, полного реминисценцій и по отношенію къ формѣ стоявшаго покамѣстъ въ безусловной зависимости отъ изученныхъ образцовъ. Поэтому, мнѣ кажется, мы имѣли бы полное основаніе, не отказывая автору нашего гимна въ весьма сильномъ поэтическомъ дарованіи, какъ не отказывали ему въ немъ прежніе критики, считать это стихотвореніе одною изъ его первыхъ, юношескихъ попытокъ, и, быть можетъ, на то указываетъ уже отчасти и эротическій характеръ сюжета, и то одушевленіе, съ которымъ написана напр. сцена объясненія Афродиты съ Анхисомъ³¹⁸⁾,—лучшее мѣсто во всемъ произведеніи, и даже тотъ недостатокъ чувства мѣры, въ которомъ упрекаетъ поэта Бергъ (l. l.).

³¹⁵⁾ Sittl LG, I, 198.

³¹⁶⁾ Bergk LG. I, 767.

³¹⁷⁾ Suhle op. l. p. 4. Мнѣніе Бергка и Зуле склонены раздѣлять и Гемолль (стр. 259).

³¹⁸⁾ Срв. напр. стт. 144 слл., которымъ Мьюръ посвящаетъ столь восторженный отзывъ (op. l. II, p. 346). Наоборотъ Зиттль считаетъ все стихотвореніе одинаково безцвѣтнымъ (farblos), а стт. 144 слл.—„pedantisch stilisiert“ (!). См. ук. м.

Но, если возможно разногласіе въ вопросѣ о художественномъ достоинствѣ занимающаго насъ литературнаго памятника, то тѣмъ болѣе оно возможно въ области хронологическихъ опредѣленій. Господствующимъ и понынѣ слѣдуетъ считать мнѣніе, что гимнъ къ Афродитѣ есть старѣйшій изъ сохранившихся большихъ гимновъ и что возникъ онъ приблизительно тогда же, когда возникли и младшія части гомеровыхъ эпоей. Мнѣніе это, опирающееся преимущественно на дачныя языка и версификаціи, высказано было уже Германномъ³¹⁹⁾, и къ нему присоединились впоследствии Гротъ³²⁰⁾, Виндишъ³²¹⁾, Гофманнъ³²²⁾, Бругманнъ³²³⁾, Флахъ³²⁴⁾. По Гиньяру авторомъ стихотворенія былъ не кто иной, какъ самъ Гомеръ³²⁵⁾; по Вирзелю оно во всякомъ случаѣ сложено не позже времени Гомера³²⁶⁾; по Тиле его можно отнести къ исходу IX или же къ началу VIII стол. до Р. Х.³²⁷⁾. Не столь опредѣленны сужденія Эбергарда³²⁸⁾ и Фика³²⁹⁾, но и эти ученые склонны, кажется, признать за нашимъ памятникомъ глубоко-древнее происхожденіе. Болѣе же позднія даты для него устанавливаютъ Фоссъ, А. Маттіэ, Зуле, Гемолль и Абель. Фоссъ³³⁰⁾ и Зуле³³¹⁾, указывая на присутствіе въ гимнѣ такихъ позднихъ реченій, какъ *σάτιν*³³²⁾, *πρέσβειρα*, на необычное количество слова *κῆλος*, на упоминаніе о Силенахъ и т. п., приурочиваютъ время его возникновенія — первый къ 60 ол., а второй даже ко временамъ трагиковъ и Геродота. Маттіэ³³³⁾ въ виду тѣхъ же признаковъ видитъ въ гимно-

³¹⁹⁾ Hermann ad v. 86; id. Orphica, 689.

³²⁰⁾ Grote II, стр. 189.

³²¹⁾ Windisch op. I. p. 68.

³²²⁾ Hoffmann Quaestt. homericæ, II, p. 186 sq.

³²³⁾ Brugmann Problem der hom. Textkritik (Leipz. 1876), стр. 23.

³²⁴⁾ Flach Das nachhes. Digamma, стр. 1 сл.

³²⁵⁾ Hignard op. I. p. 162.

³²⁶⁾ Wirsell Quaestt. de h. in Ven. Münster. 1869, Стр. 41.

³²⁷⁾ Thiele op. I. p. 49, 79 sq.

³²⁸⁾ Eberhard Sprache d. hom. H., II, стр. 34; Metr. Beob. II, стр. 29.

³²⁹⁾ Fick Urspr. Schprachform, стр. 200.

³³⁰⁾ Mythol. Briefe, II, стр. 176.

³³¹⁾ Suhle op. I. p. 27.

³³²⁾ Ст. 12 сл., гдѣ читается это слово, заподозрилъ уже Германнъ. Въ последнее время эта атетеза нашла довольно убѣдительнаго защитника въ лицѣ Пепмюллера (I. I.).

³³³⁾ Animadv. p. 74 sq.

графъ современника Мимнерма (37 ол.). Гемолль³³⁴) полагаетъ, что стихотвореніе наше во всякомъ случаѣ моложе знаменитой пѣсни Демодока объ Афродитѣ, Гефестѣ и Аресѣ (Θ, 266 sqq)³³⁵), хотя, быть можетъ, и старше гимна въ честь Деметры, относимаго тѣмъ же изслѣдователемъ къ 30 ол. Абель напротивъ считаетъ его моложе и этого послѣдняго гимна и вмѣстѣ съ Зуле видитъ неоспоримое подтвержденіе своего мнѣнія въ стг. 173 сл., будто бы заимствованныхъ прямо изъ четвертаго проэмія³³⁶). Наконецъ Зиттль рѣшительно отказывается за немѣніемъ положительныхъ данныхъ хотя бы даже приблизительно опредѣлить искомую дату³³⁷).

Гдѣ высказано столько разнообразныхъ предположеній, тамъ опасно пытаться увеличить ихъ число какимъ нибудь новымъ. Мы и не намѣрены отваживаться на подобную попытку и лишь подобно Зиттлю замѣтимъ, что всѣ перечисленныя гипотезы дѣйствительно покоятся на весьма шаткихъ основаніяхъ. Наибольшую внутреннюю вѣроятность слѣдуетъ конечно признать за мнѣніемъ, поставленнымъ нами во главѣ, — мнѣніемъ Германна. Ссылка на существующее будто бы въ нашемъ текстѣ заимствованіе изъ „Одиссеи“ (Θ, 362 сл.) ему не противорѣчитъ. Стоитъ внимательно и въ тѣсной связи съ контекстомъ прочесть сходствующія мѣста, чтобы согласиться съ Фикомъ (ук. м.), что скорѣе въ „Одиссеѣ“ относящіеся сюда стихи (362 — 366) заимствованы изъ гимна, нежели наоборотъ, такъ какъ описаніе туалета богини въ послѣднемъ не только совершенно на своемъ мѣстѣ, но и безусловно нужно, въ пѣснѣ же Демодока оно по меньшей мѣрѣ излишне и присоединено чисто внѣшнимъ образомъ. Еще меньше значенія имѣетъ далѣе указаніе на сходство между нашимъ стихотвореніемъ и четвертымъ проэміемъ. Эпитетъ *τιμόχως*, встрѣчаемый въ томъ и другомъ (срв. h. Ven. v. 31, h. Cer. v. 262), читается въ гимнѣ къ Афродитѣ какъ разъ въ такомъ мѣстѣ, которое и во многихъ другихъ отношеніяхъ составляетъ камень преткновенія для критиковъ и покамѣстъ еще ждетъ окончательнаго приговора. Не входя въ подробности, сошлюсь на Ilgen ad v. 29, Sod. Jenens. h. ad Ven. p. 10, Peppmüller l. l.

³³⁴) Gemoll, стр. 260.

³³⁵) См. также Bergk LG. I. 768.

³³⁶) Abel p. 53.

³³⁷) Sittl, l. s. l.

Что же касается стт. 173 слл., составленныхъ, какъ утверждаютъ (Зуле, Диттмаръ, Абель), прямо по образцу h. Cer. v. 188 sqq., то помимо тѣхъ соображеній, которыя высказаны на этотъ счетъ Гемолемъ (стр. 293), я позволю себѣ обратить вниманіе читателя на слѣдующее. Въ обоихъ гимнахъ рѣчь идетъ о богиняхъ, желающихъ скрыть свое божественное происхожденіе и съ этою цѣлью измѣняющихъ и свой ростъ, и свою наружность (срв. h. Ven. v. 82; h. Cer. vv. 94, 101 sqq.) Только тогда, когда наступаетъ пора объявить инкогнито, небожительницы снова принимаютъ на себя обычный видъ и вырастаютъ до тѣхъ гигантскихъ размѣровъ, которыми воображеніе грека надѣляло всѣхъ обитателей Олимпа. Въ гимнѣ къ Афродитѣ это преображеніе происходитъ передъ пробужденіемъ Анхиса (ст. 171 слл.):

τῆμος ἄρ' Ἀγχίσῃ μὲν ἐπὶ γλυκὺν ὕπνον ἔχευεν
ἦδυμον, αὐτὴ δὲ χροὶ ἔννυτο εἴματα καλὰ.
ἔσσαμένη δ' εὖ πάντα περὶ χροῖ, διὰ θεῶων,
αὐτίκ' ἄρα κλισίης εὐποιήτοιο μελάθρου
κῦρε κάρη· κάλλος δὲ παρειῶν ἀπέλαμπεν
ἄμβροτον, οἷόν τ' ἐστὶν εὐστεφάνου Κυthereίης κτλ.

Такимъ же самымъ образомъ измѣняется видъ Деметры, когда она въ гнѣвѣ на Метаниру открывается элевсинанамъ (h. Cer. v. 276 sqq.):

ὥς εἰποῦσα θεὰ μέγεθος καὶ εἶδος ἄμειψεν,
γῆρας ἀπωσαμένη, περὶ τ' ἀμφὶ τε κάλλος ἤητο·
ὁδμή δ' ἱμερόεσσα θυγέντων ἀπὸ πέπλων
σκίδνατο, τῆλε δὲ φέγγος ἀπὸ χροὸς ἀθανάτοιο
λάμπε θεᾶς κτλ.

Оба описанія заключаютъ въ себѣ подборъ стереотипныхъ признаковъ, съ которыми въ мысли грека сочеталось ходячее представленіе о божествѣ, и совершенно соотвѣтствуютъ въ томъ и другомъ случаѣ цѣлямъ поэтическаго замысла. Такимъ образомъ оба они на своихъ мѣстахъ, и въ первомъ изъ нихъ навѣрное никому не пришло бы въ голову видѣть плодъ „нелѣпаго подражанія“ (inepta imitatio, срв. Abel l. l.), если бы случайно оно не встрѣтило параллели въ той части гимна къ Деметрѣ, гдѣ рассказывается о вступленіи этой богини въ домъ Келея. Царевны, говорится здѣсь, повели богиню къ дому отца, она же слѣдовала за ними въ сердечной горести, съ покрытою голо-

вою, и черная одежда ея волновалась отъ быстроты движенія. Вотъ подходятъ онѣ ко дворцу, и тутъ вдругъ совершается внезапная метаморфоза:

ἡ δ' ἄρ' ἐπ' οὐδὸν ἔβη ποσὶ καὶ ῥα μελάθρου
κῦρε κάρη, πλῆσεν δὲ θύρας σέλας θείοιο, —

точь въ точь какъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ гимна къ Афродитѣ. Разумѣется, въ виду подражательности этого послѣдняго естественно должно было возникнуть подозрѣніе, что, если кто у кого заимствовалъ, то, вѣроятно, не авторъ болѣе оригинальнаго четвертаго проэмія. Однако стоитъ всмотрѣться, и мы увидимъ, что бьющее на эффектъ превращеніе бѣдной, одѣтой въ трауръ старухи въ блестящее божество въ сущности составляетъ въ столь хорошо скомпонованномъ произведеніи, какъ гимнъ къ Деметрѣ, совершенно излишній и неумѣстный эпизодъ. Это замѣтилъ уже Преллеръ ³³⁸). Въ самомъ дѣлѣ изъ дальнѣйшаго изложенія явствуетъ, что внезапное обнаруженіе божественности Деметры не повлекло за собою никакихъ особливыхъ послѣдствій, и, несмотря на свой внушительный видъ, несмотря на наведенный на всѣхъ окружающихъ страхъ, богиня все таки въ концѣ концовъ была принята въ домъ Келея лишь въ качествѣ простой кормилицы. Зачѣмъ понадобилось поэту совершить нескромность и до времени приподнять край той завѣсы, которою неутѣшная мать Персефоны таинственно окутала свое происхожденіе, — совершенно непонятно. Во всякомъ случаѣ онъ это сдѣлалъ въ ущербъ поэтической красотѣ своего произведенія, и вину „нелѣпаго подражанія“ мы скорѣе склонны взвести на него, нежели на автора гимна къ Афродитѣ.

Но оставимъ зыбкую почву гаданій и возвратимся къ тому, что дано непосредственно въ занимающемъ насъ здѣсь текстѣ.

Мѣсто дѣйствія (гора Ида), характеръ затрогиваемыхъ гимнографомъ преданій (миѣны объ Анхисѣ, Ганимедѣ, Тифонѣ, Дріадахѣ), упоминаніе о святилищѣ Афродиты въ Пафѣ, о Силенахъ, о царственномъ родѣ Энеадовъ, объ особомъ видѣ военныхъ колесницъ (σάτιναι), въ историческое время оставшихся въ употребленіи только у кипрянъ (Herod. V, 113), знакомство съ діалектическими отличіями нарѣчій Фригіи и Троады, наконецъ языкъ, наиболѣе приближающійся къ

³³⁸) Preller Dem. u. Perseph., стр. 94. — Слабо возраженіе Франке op. I. p. 6.

языку гомеровыхъ эпоей, — вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ изслѣдователю предоставляется опредѣлить родину третьяго гомерическаго гимна. Данныя эти настолько многочисленны и краснорѣчивы, что большой ошибки въ такомъ опредѣленіи сдѣлано быть не можетъ. Очевидно, гимнъ возникъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ возникли и рапсодіи „Иліады“ и „Одиссея“, — среди малоазійскихъ іонянъ, и таково на этотъ счетъ сужденіе Бернгарди ³³⁹⁾, Баумейстера ³⁴⁰⁾, Велькера (?) ³⁴¹⁾ и др. Если онъ не попалъ въ ту или другую поэму, какъ попали напр. въ первую изъ нихъ эпизоды о подвигахъ Главка и Сарпедона или объ умерщвленіи Долона, то это, — замѣчаетъ Тиле ³⁴²⁾, — простая случайность.

Другое дѣло, еслибы мы захотѣли болѣе точно обозначить родину произведенія. Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы сдѣлать выборъ между двумя мнѣніями, изъ которыхъ одно высказано было впервые Гроддекомъ ³⁴³⁾, а другое — Маттіэ. Гроддекъ полагалъ, что стихотвореніе было сложено въ Кипрѣ, и новѣйшій сторонникъ этого взгляда Фикъ сдѣлалъ даже попытку возстановить его текстъ въ той діалектической формѣ, въ какой могло оно рецитироваться передъ саламинскою публикою на праздникѣ въ честь Киприды ³⁴⁴⁾. Съ точки зрѣнія Фика въ пользу кипрскаго происхожденія памятника говоритъ между прочимъ и самая цѣль его, несомнѣнно имѣвшаяся въ виду авторомъ, именно — прославленіе Дарданидовъ: „Тевкръ, основатель Саламина и, вѣроятно, предокъ тамошней царской фамиліи, по матери своей Гесіонѣ, сестрѣ Пріама, происходилъ отъ троянскихъ царей“. Напротивъ Маттіэ склонился на сторону іонійскаго происхожденія гимна ³⁴⁵⁾. По его мнѣнію не на Кипрѣ, а въ долинахъ Иды слѣдуетъ искать тѣхъ царственныхъ потомковъ Энея, воздать похвалу которымъ составляло намѣреніе нашего поэта. Такимъ образомъ мы въ настоящемъ случаѣ имѣемъ передъ собою даже и не „гимнъ“ въ строгомъ смыслѣ слова,

³³⁹⁾ Bernhardt Grundr. d. gr. L.², II, 1, стр. 180, 186.

³⁴⁰⁾ Baumeister p. 250.

³⁴¹⁾ Welcker Gr. Götterl. II, 215.

³⁴²⁾ Thiele op. l. p. 78.

³⁴³⁾ Groddeck op. l. p. 41 sq.

³⁴⁴⁾ Fick op. l. p. 200.

³⁴⁵⁾ Animadvv. p. 74 sq.

а скорѣе родъ энкомія въ честь Энеадовъ ³⁴⁶). Этотъ взглядъ, подвергаясь различнымъ модификаціямъ, удержался до нашихъ дней, и мы можемъ назвать въ числѣ его представителей Ленца ³⁴⁷), К. О. Мюллера ³⁴⁸), Вирзеля ³⁴⁹), Мьюра ³⁵⁰), Тиле ³⁵¹) Бергка ³⁵²) и Зеека ³⁵³). Только одинъ Зиттль ³⁵⁴), вѣрный и на этотъ разъ своей скептической точкѣ зрѣнія на наше стихотвореніе, совершенно расходится съ названными учеными и не придаетъ никакого значенія всѣмъ ихъ соображеніямъ, считая опредѣленіе родины гимна столь же невозможнымъ, какъ и опредѣленіе его хронологіи. Что же касается Гемолля, то онъ высказывается на этотъ счетъ уклончиво и нерѣшительно ³⁵⁵).

Въ древности гомерическій гимнъ къ Афродитѣ повидимому не пользовался большою извѣстностью ³⁵⁶), и этому обстоятельству между прочимъ Бергкъ приписываетъ болѣе сохранный въ сравненіи съ другими греческими литературными памятниками видъ его текста.

³⁴⁶) Ibid. p. 67: „Rectius itaque hoc carmen laudes stirpis Aeneadarum inscribi posset, siquidem eorum gloriam maxime attingit hoc, quod stirpis auctor dea matre genitus perhibebatur“.

³⁴⁷) Lenz l. l. (p. 61).

³⁴⁸) K. O. Müller LG. I, 123.

³⁴⁹) Wirsell op. l. p. 10, 41.

³⁵⁰) Mure op. l. II, p. 347.

³⁵¹) Thiele op. l. p. 79: „... ut summam disputationis nostrae paucissimis repetam, puto hymni nostri argumentum deberi fabulis, quae inter Trojanos vel eorum reliquias in Asia moratos divulgatae fuere. Unde rhapsodus quidam fabulam fortasse Gergithibus in agro Cumano sitis auditam in formam carminis justī epici redegit“.

³⁵²) Bergk LG. l. l.

³⁵³) Seeck op. l. p. 377, 379.

³⁵⁴) Sittl l. l.

³⁵⁵) Gemoll, стр. 260.

³⁵⁶) Ссылку на него мы не встрѣчаемъ ни у одного древняго писателя.

III.

МАЛЫЕ ГИМНЫ ГОМЕРИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ.

1.

Понятіе о малыхъ гимнахъ. Ихъ отношеніе къ большимъ. Попытки ихъ классификаціи.

За вычетомъ четырехъ большихъ гимновъ, — къ Деметрѣ, Аполлону, Гермесу и Афродитѣ, — и двухъ фрагментовъ діонисова гимна въ нашей коллекціи остается еще двадцать восемь стихотвореній, весьма неодинаковыхъ по размѣрамъ (отъ 59 до 3 стиховъ), языку, содержанію, общему характеру и времени происхожденія. Это — такъ назыв. малые гомерическіе гимны.

Со временъ Вольфа въ стихотвореніяхъ этихъ обыкновенно видятъ рапсодическія вступленія къ публичной рецитаціи разныхъ эпическихъ произведеній на общественныхъ празднествахъ или частныхъ пирахъ, — пожалуй, нѣчто въ родѣ тѣхъ „присказокъ“, которыми въ былое время сказочники начинали у насъ свои повѣствованія. И въ самомъ дѣлѣ клавикулы малыхъ гимновъ повидимому вполне подтверждаютъ такой взглядъ. Напр. въ концѣ 30-го гимна за краткимъ обращеніемъ къ Геліосу мы находимъ категорическое заявленіе пѣвца о намѣреніи перейти къ другому, чисто свѣтскому сюжету, — къ прославленію героевъ и ихъ подвиговъ. Совершенно такой же переходъ дѣлается въ концѣ своего произведенія и авторъ слѣдующаго (31-го) гимна. Въ другихъ случаяхъ, правда, на содержаніе имѣющаго послѣдовать разсказа нѣтъ прямаго указанія, но за то есть указаніе на желаніе поэта принять участіе въ предстоящемъ музическомъ агонѣ, причемъ испрашивается помощь и благословеніе божества, — стало быть, въ сущности опять таки дѣлается переходъ къ рецитаціи героической поэмы.

Таковы клавзулы гимновъ 5-го, 6-го, 9-го, 25-го. Лишь въ немногихъ стихотвореніяхъ заключительныя формулы не содержатъ въ себѣ никакого намека на то, что конецъ пѣсни еще не наступилъ, и ограничиваются простымъ „καὶ σὺ μὲν οὕτω χαῖρε“ κτλ.³³⁷⁾ Еще рѣже клавзула совершенно отсутствуетъ, и гимнъ обрывается на голомъ перечисленіи божественныхъ свойствъ воспѣваемаго лица³³⁸⁾.

Какъ родъ, краткія стихотворныя обращенія къ предметамъ религіознаго культа, подобныя малымъ гомерическимъ гимнамъ, вѣроятно, принадлежатъ глубочайшей древности. По отношенію къ большимъ религіознымъ поэмамъ въ родѣ перваго аполлонова проэмія они несомнѣнно составляютъ *prolus.* Но звуки древнѣйшихъ произведеній этого класса не долетѣли до насъ, и между меньшими нумерами разсматриваемой коллекціи нѣтъ ни одного, который бы могъ претендовать на большую древность, нежели даже самый младшій изъ большихъ гимновъ. Стоитъ хотя бы поверхностно обозрѣть этотъ рядъ меньшихъ нумеровъ, чтобы въ томъ убѣдиться. Мы видимъ напр. въ однихъ стихотвореніяхъ присутствіе несомнѣнныхъ заимствованій изъ большихъ гимновъ, какъ то: h. VI, 58, 59 = XXXIII, 18, 19; XIII, 4, 5 = III, 70, 74; XXIX, 7, 8 = IV, 486 sqq.; XXIX, 18 sq. = IV, 494 sq.; другія даже просто не болѣе, какъ цитаты: h. XII = IV, 1, 494; XVI = XXXII; XVII = II, 1 — 9, 579. Гимнъ XXIV представляетъ сшивокъ изъ трехъ различныхъ мѣстъ гесиодовой „*Теогоніи*“ (v. 1 = Theog. 1; vv. 2 — 5 = Theog. 94 — 97; v. 6 = Theog. 104), и притомъ сшивокъ, составленный не весьма искусно. Въ гимнѣ VI-мъ слышится тонъ и духъ орфической поэзіи, оставившей слѣдъ своего вліянія также и на гимнахъ XXIX, XXX, XXXI. Изыщный гимнъ къ Пану (XVIII) по времени возникновенія съ вѣроятностью можетъ быть отнесенъ лишь къ александрійской эпохѣ, а въ гимнахъ VII и XIV усматриваютъ даже византійскіе фабрикаты. Если о прочихъ трудно

³³⁷⁾ Сюда относятся гимны 10, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 25. Быть можетъ, не безъ основанія нѣкоторые усматриваютъ въ нихъ не вступительныя, а заключительныя воззванія къ божеству, которыя слѣдовательно не предшествовали рецитациі эпического стихотворенія, а сопутствовали ей. См. Gemoll, стр. 103. Приводимый у Евстація и др. эксодій: οὐν δὲ θεοὶ μάκιστος τῶν ἐσθλῶν ἄρδεσσι ἐστέ, — разумѣется, не былъ единственнымъ и не исключалъ возможности употребленія и другихъ подобныхъ.

³³⁸⁾ Срв. h. Nom. VII, XI.

высказаться съ увѣренностью, то во всякомъ случаѣ и они — продуктъ довольно поздняго времени. „Es ist also eine wunderliche Gesellschaft, die sich hier zusammengefunden hat“, можемъ мы повторить вслѣдъ за Зиттлемъ ³³⁹⁾.

Въ виду сказаннаго понятно стремленіе какъ нибудь систематизировать эти разнородныя стихотворенія, подчинить ихъ обзорѣннѣе хотѣ какому ни есть порядку, классифицировать ихъ. И мы встрѣчаемся съ попыткою такой классификаціи уже у Гроддека, который дѣлитъ всѣ малые гомерическіе гимны на пять разрядовъ: а) эпическіе проэміи, — №№ IX, XIV, XV, XIX, XX, XXX и XVIII vv. 28 — 49; б) частью орфическіе, частью лишь составленные подъ орфическимъ вліяніемъ гимны, — VII, XXIII, XIII, XXIX; в) стихотворенія диѳирамбическія, начинающіяся формулою: ἀμφὶ Διῶνυσον, Ποσειδάωνα и т. д. (VI, XVIII 1 — 27, XXI, XXXII); д) родъ поэтическихъ эпиграммъ (meri poetarum lusus), — h. V, XXVI ³⁶⁰⁾; наконецъ е) фрагменты подлинныхъ гомерическихъ гимновъ, къ числу коихъ принадлежатъ остальные двѣнадцать нумеровъ коллекціи ³⁶¹⁾.

Насколько несостоятельно подобное дѣленіе, на то указалъ Маттіэ, подвергшій его въ своихъ „Animadversiones“ весьма подробному и обстоятельному разбору ³⁶²⁾. Дѣйствительно, — какъ возможно напр. гимны XXIX, XXX, XXXI, представляющіе точнѣйшее сходство по языку, метрическимъ особенностямъ, плану и содержанию, принадлежащія, какъ не безъ основанія полагають, одному и тому же автору и отмѣченные въ равной степени печатью орфической манеры, относить къ тремъ различнымъ категоріямъ? На какомъ основаніи слѣдуетъ причислять гимны V и XXVI къ разряду lusuum, а совершенно подобный имъ по формѣ и по тону XXVII-й гимнъ считать за подлинный гомерическій фрагментъ? Или возьмемъ хотя бы классъ „диѳирамбическихъ“ стихотвореній: справедливо ли дѣлать опредѣленіе цѣлаго поэтического рода по одному лишь чисто вѣшнему признаку, какова вступительная формула: ἀμφὶ Διῶνυσον... μνήσομαι? Гроддекъ ссылается

³³⁹⁾ Sittl op. I. p. 199.

³⁶⁰⁾ Въ нумераціи гимновъ отступаю отъ Гроддека и по обыкновенію слѣдую Гемоллю.

³⁶¹⁾ Grotdeck op. I. 21 sqq.

³⁶²⁾ См. стр. 88 слл.

на свидѣтельство аристофановыхъ схолій (Nub. 595), въ которыхъ по поводу словъ хора: ἀμφὶ μοι αὐτῆ, Φοῖβ' ἀναξ κτλ. сказано: μιμεῖται δὲ τῶν διθυράμβων τὰ προοίμια συνεχῶς γὰρ χρῶνται ταύτῃ τῇ λέξει. διὸ καὶ ἀμφιάνακτας αὐτοὺς ἐκάλουν, καὶ τὸ προοιμιάζεσθαι δὲ ἀμφιανакτίζειν ἔλεγον. Но, если и дѣйствительно диѳирамбамъ свойственно было употребленіе подобной формулы, то не слѣдуетъ забывать, что мы встрѣчаемся съ нею уже у Терпандра, т. е. задолго до Аріона, съ котораго собственно начинается исторія художественнаго диѳирамба, и даже до Архилоха, который (fr. 77) впервые упоминаетъ о существованіи такой поэтической формы ³⁶³). Скажу болѣе, — даже знаменитая пѣснь Демодока въ „Одиссеѣ“ вводится посредствомъ грамматическаго оборота, весьма близкаго къ нашему „ἀμφὶ Διῶνυσσον κτλ“. Ужъ не отнесъ ли бы Гродекъ и ее на этомъ основаніи къ своимъ „hymni dithyrambici?“

Что касается дѣленія, устанавливаемаго самимъ Маттіэ, то оно весьма просто. Онъ исключаетъ изъ числа собственно гомерическихъ стихотвореній, какъ таковыхъ, во первыхъ, гимнъ къ Аресу (VII), напоминающій по его мнѣнію скорѣе характеръ философскихъ гимновъ Клеанѳа и Прокла, а во вторыхъ, послѣднюю часть гимна къ Пану (XVIII 28 — 49), которую принимаетъ за фрагментъ какой нибудь „Θεογονίи“. Всѣ остальные стихотворенія Маттіэ заодно относятъ къ разряду прозѣй въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. къ разряду рапсодическихъ вступленій къ рецитаціи эпиковъ, причемъ въ гимнахъ къ Гестіи (XIII, XXVIII) находитъ указаніе на совершенно частный характеръ праздника, въ прочихъ же видитъ предназначеніе для публичныхъ агоневъ ³⁶⁴).

Иначе смотритъ на дѣло Мьюрь, классификація котораго впрочемъ, къ сожалѣнію, слишкомъ неопредѣленна и недостаточно обоснована. Не всегда указывая въ точности нумера, онъ распредѣляетъ гимны нашей коллекціи по слѣдующимъ рубрикамъ: а) фрагменты, служившіе первоначально прологами или эпилогами къ болѣе обшир-

³⁶³) Срв. Hesych. ἀμφὶ ἀνακτα· ἀρχὴ κισαρφοδικῶ νόμου. Подобнымъ же образомъ: Suid. ἀμφιανакτίζειν· τὸ προοιμιάζειν.... ἄδειν τὸν Τερπάνδρου νόμον, τὸν καλούμενον Ὀρδιον, οὗ τὸ προοίμιον ταύτην τὴν ἀρχὴν εἶχεν· ἀμφὶ μοι αὐτὸν ἀναχθ' ἐκατηβόλον ἄδειτω φρήν. Слова Свида подтверждаютъ изложенный нами выше (стр. 17 сл.) взглядъ на отношеніе проэміи къ ному.

³⁶⁴) Animadvv. I. I.

нымъ гимнамъ (и такова по Мьюру бóльшая часть); b) краткія самостоятельныя обращенія къ богамъ, — нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ предъобъединныхъ молитвъ; c) эпическіе проэміи; d) гимны философскіе (напр. VII-й); e) стихотворенія, раздѣляющія повѣствовательный характеръ большихъ гомерическихъ гимновъ, — именно №№ VI, XVIII, XXV ³⁶⁵).

Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей большинство удѣляетъ свое вниманіе преимущественно только крупнымъ произведеніямъ сборника, рѣдко останавливаясь на малыхъ гимнахъ, о которыхъ вообще вошло въ обыкновеніе говорить лишь какъ то вскользь, мимоходомъ. Зачастую всѣ эти разнохарактерныя стихотворенія подводятся подъ одну мѣрку и получаютъ такимъ образомъ огульную оцѣнку, какъ напр. у Флаха ³⁶⁶), Зеека ³⁶⁷), Группе ³⁶⁸). Въ другихъ случаяхъ дѣло ограничивается, какъ у Баумейстера ³⁶⁹), попыткой добыть для нихъ съ десятокъ проблематическихъ датъ либо, какъ у Гемолля ³⁷⁰), выдѣлить изъ общей ихъ массы двѣ — три повидимому болѣе тѣсно сомкнутыя группы или серіи. Все это конечно можетъ найти оправданіе въ слишкомъ незначительномъ объемѣ подлежащихъ разсмотрѣнію литературныхъ памятниковъ и въ почти полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было положительныхъ указаній въ ихъ текстѣ; однако — *πρὸς σοφίᾳ μὲν ἔχειν τόλμην μάλα σύμφερόν ἐστιν*, и, гдѣ нѣтъ прямыхъ указаній, тамъ слѣдуетъ искать косвенныхъ. Такъ напр. до сихъ поръ, мнѣ кажется, недостаточно принималось въ расчетъ несомнѣнно позднее происхожденіе нѣкоторыхъ нумеровъ коллекціи ³⁷¹). Ясно напр., что гимны VI-й, VII-й, — быть можетъ, также XVIII-й возникли въ такую пору, когда раисоды уже перестали играть свою прежде столь выдаю-

³⁶⁵) Op. I. p. 356 sq.

³⁶⁶) Flach Das nachhes. Dig., стр. 42.

³⁶⁷) Seeck ук. соч. стр. 377 сл.

³⁶⁸) Gruppe Griech. Culte u. Mythen, стр. 521.

³⁶⁹) Baumeister, стр. 102 сл.

³⁷⁰) Гемолль признаетъ тѣсную связь между гимнами XII, XIV — XVII, XIX — XXIV (см. его замѣчанія къ нимъ). Далѣе, — его комментарий къ г. XXV начинается словами: „Mit diesem Hymnus beginnt eine neue Reihe von Gedichten“.

³⁷¹) Если К. О. Мюллеръ (LG. I, стр. 123) нѣкогда утверждалъ, что „фрагменты сборника принадлежатъ всѣмъ столѣтіямъ отъ временъ Гомера до эпохи персидскихъ войнъ“, то теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что послѣдній предѣлъ долженъ быть передвинутъ далеко впередъ.

щуюся роль и когда во всякомъ случаѣ родникъ живаго творчества въ ихъ средѣ изсякъ. На стихотвореніяхъ этихъ лежитъ отпечатокъ книжности, а не свободнаго поэтическаго вдохновенія, — они сочинены для читающей, а не для слушающей публики. Я думаю далѣе, — на основаніяхъ, которые будутъ изложены ниже, — что и гимны XXIX, XXX и XXXI, несмотря на свои краснорѣчивыя клавзулы, не предназначались для дѣйствительныхъ агоневъ, и были составлены въ подражаніе стариннымъ эпическимъ прозіямъ лишь *ὑμνασίαις ἑνεκα*. Такимъ образомъ съ самаго начала можно было бы подраздѣлить всѣ дошедшіе до насъ малые гомерическіе гимны на двѣ категоріи, — на произведенія оригинальныя, возникшія первоначально въ кругу рапсодовъ и имѣвшія въ виду цѣли агонистической практики, и подражательныя, составлявшія плодъ досужей фантазіи позднѣйшихъ ученыхъ виршенлетовъ, которые, какъ извѣстно, пытали свои силы во всѣхъ родахъ поэзіи. Къ первымъ я бы безъ колебанія отнесъ №№ V, VIII — XIII, XV — XVII, XIX, XXIII, XXV — XXVIII, XXXII; ко вторымъ — №№ VI, VII, XIV, XVIII, XXII, XXIX — XXXI. Лишь №№ XX, XXI, XXIV, незначительные и по объему, и по содержанію, должны остаться подъ сомнѣніемъ, хотя, быть можетъ, и они тяготеютъ болѣе къ послѣдней, нежели къ первой категоріи.

Остановимся на каждомъ рядѣ въ отдѣльности и попытаемся оправдать свое дѣленіе посильными аргументами.

2.

Первая группа малыхъ гимновъ.

(№№ V, VIII—XIII, XV—XVII, XIX, XXIII, XXV—XXVIII, XXXII).

Гимны первой группы по своему содержанію распадаются на два отдѣла: въ однихъ мы не находимъ ничего кромѣ короткаго перечисленія главнѣйшихъ свойствъ того божества, къ которому обращается поэтъ съ просьбою о помощи въ предстоящемъ агонѣ, въ другихъ же встрѣчаемъ нѣчто въ родѣ эпическаго разсказа, коего сюжетомъ служить либо рожденіе бога, либо его излюбленный родъ занятій, забавъ и удовольствій. Къ числу первыхъ принадлежатъ гимны IX—XIII, къ

последнимъ—остальные. Само собою разумѣется, что соотвѣтственно сказанному различію и размѣры стихотвореній того и другаго вида неодинаковы: первая короче, вторыя — длиннѣе.

Я не рѣшаюсь отгадывать, обусловливалась ли эта разница какими нибудь особыми обстоятельствами, или же она есть просто дѣло случая. Не подлежитъ только сомнѣнію то, что она была уже замѣчена и составителемъ сборника, который, очевидно, пытался группировать малые гимны по ихъ содержанію. Такъ №№ IX — XI, XIII ³⁷²⁾, существенно между собою сходные, расположены подрядъ: это — похвальные воззванія къ Афродитѣ, Аѳинѣ, Герѣ и Матери боговъ, размѣромъ не больше 5 — 6 строкъ каждое, всѣ (за исключеніемъ XI-го) съ обычными клавзулами и, вѣроятно, одинаково предназначенныя служить вступленіями къ поэмамъ, въ которыхъ фигурировали соотвѣтствующія божества. Далѣе, — гимны XV — XVII, посвященные Асклепію, Діоскурамъ и Гермесу и описывающіе рожденіе этихъ боговъ, также составляютъ отдѣльную серію. Наконецъ гимны XXV (къ Діонису), XXVI (къ Артемидѣ) и XXVII (къ Аѳинѣ) опять таки могутъ быть выдѣлены въ особую группу. Это — изящныя поэтическія картинки такого приблизительно типа, какъ знаменитыя вступленія къ гимнамъ дельскому и пифійскому, — картинки, имѣющія своимъ предметомъ одинъ какой либо моментъ изъ жизни и дѣятельности названныхъ божествъ: Діонисъ изображается напр. въ ту минуту, когда онъ во главѣ своей свиты (Φίλαρος), увѣнчанный плющемъ и лавромъ, совершаетъ шумную вакхическую процессію по лѣсу, Артемида, — когда она, натѣшившись охотою, отправляется въ Дельфы и тамъ съ Музами и Харитами водить хороводъ, Аѳина, — когда, выйдя во всеоружіи изъ головы Зевса, она снимаетъ съ своихъ могучихъ плечъ ратные доспѣхи, и все на землѣ и на небесахъ при видѣ богини приходитъ въ движеніе, — Олимпъ сотрясается, море колеблется и самъ Геліосъ останавливаетъ свою колесницу и замираетъ въ нѣмомъ изумленіи.

Что касается художественнаго достоинства малыхъ гимновъ разсматриваемой категоріи, то нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. VIII-й, IX-й, XIX-й, совершенно ничтожны и не имѣютъ никакой эстетической цѣны, другіе же, какъ V-й, XXVI-й, XXVII-й, очень граціозны и отли-

³⁷²⁾ Гимнъ XII, какъ сказано, — просто центонъ.

чаются прекрасной версификаціею. Особенно хорошъ XXVI-й гимнъ (къ Артемидѣ), полный яркихъ поэтическихъ красокъ и образовъ, поражающій обиліемъ и разнообразіемъ троповъ и украшающихъ эпитетовъ, а въ описаніи охоты богини достигающій почти гомеровской силы и наглядности: Артемида гоняется по тѣнистымъ ущельямъ и горнымъ высотамъ за дичью, и съ золотого лука ея не перестаютъ слетать звонкія стрѣлы; при этомъ

горныя выси трепещутъ,
Ревомъ звѣрей оглашаются темныя дебри лѣсныя,
Стономъ стонетъ земля и обильное рыбою море.
Сердце богини отвагой полно, и безъ устали всюду
Рыщетъ она, обрекая на гибель звѣриное племя;
Послѣ жъ, когда свою страсть утолитъ и натѣшится ловлей,
Гибкій свой лукъ отпускаетъ охотница-дѣва и въ Дельфы,
Къ брату родному спѣшить, въ чертоги пышные Фэба...

Недурно также стихотвореніе, помѣченное XXVIII-мъ номеромъ: здѣсь поэтъ обращается къ Гестіи, приглашая это божество домашнего очага вмѣстѣ съ Гермесомъ обитать въ какомъ то новомъ домѣ, — быть можетъ, какъ предполагаетъ Гемолль, во вновь отстроенномъ храмѣ. Обращеніе это явственно отмѣчено лирическимъ тономъ и настроеніемъ и обнаруживаетъ даже слѣды строфическаго дѣленія. Къ сожалѣнію, въ начальныхъ стихахъ его есть, очевидно, какая то порча: выраженіе „ἐλαχε πρεσβήδα τιμὴν, καλὸν ἔχουσα γέρας καὶ τιμὴν“, разумѣется, не можетъ быть подлиннымъ, и я полагаю, что исправленіе текста въ данномъ случаѣ врядъ ли даже возможно на почвѣ конъектуральной критики, такъ какъ здѣсь, вѣроятно, имѣется пропускъ цѣлой строфы. Тѣмъ не менѣе, повторяю, гимнъ не лишенъ поэтическихъ достоинствъ и во всякомъ случаѣ значительнѣе очень сходнаго съ нимъ по сюжету XXIII-го проэмія.

Дать какія бы то ни было хронологическія указанія для отдѣльныхъ стихотвореній по весьма понятнымъ причинамъ мы не въ состояніи: во первыхъ, тексты ихъ по большей части слишкомъ общи и безотносительны, рѣдко имѣютъ даже мѣстную окраску и далеко не всегда позволяютъ отгадать, ради какихъ именно торжественныхъ случаевъ были они составлены; во вторыхъ, и самые размѣры ихъ не

настолько обширны, чтобы можно было опереться на известные характерныя особенности языка и метра и въ нихъ искать свидѣтельствъ о времени возникновенія того или другаго гимна. Такимъ образомъ здѣсь мы должны относиться съ еще большею осмотрительностью къ разнаго рода догадкамъ и предположеніямъ, нежели тамъ, гдѣ рѣчь шла о большихъ гимнахъ. Одно лишь можно утверждать съ увѣренностью, это — то, что мы имѣемъ дѣло съ продуктами довольно поздней поры и что мнѣніе Гроддека, будто бы на нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ занимающаго насъ порядка лежитъ почтенная „*vetustatis robigo*“ (стр. 22), столь же неосновательно, какъ неосновательно и его стремленіе вездѣ въ малыхъ гимнахъ усматривать фрагменты большихъ эпоей. Самая ранняя дата, до сихъ поръ добытая изслѣдователями, восходитъ лишь къ началу VI-го стол., — приблизительно къ той порѣ, когда по нашему разсчету возникъ большой гермесовъ проэмій. Говоря это, я имѣю въ виду VIII-й гимнъ (къ Артемидѣ). По замѣчанію Бергка гимнъ этотъ „указываетъ на тѣсную связь между Смирной и Кларомъ, установившуюся только тогда, когда Смирна была взята колофонянами и стала членомъ іонійскаго союза, т. е. около 23 ол.“³⁷³⁾ Связь эта, вѣроятно, прекратилась во времена Аліатта, разрушившаго Смирну въ 45 ол., хотя впрочемъ и послѣ этого разгрома городъ продолжалъ еще существовать въ видѣ разрозненныхъ „комъ“, пока не былъ возстановленъ совершенно Антигономъ и Лисимахомъ³⁷⁴⁾. Какъ бы то ни было, память о существованіи такой связи могла храниться въ кругу рапсодовъ и послѣ паденія Смирны, такъ что ничто не принуждаетъ насъ принимать 45 ол. за *terminus ad quem*³⁷⁵⁾. Другіе гимны относятся къ еще болѣе позднему времени. Такъ гимнъ XXVII (къ Аѳинѣ), какъ замѣтили уже Гейне³⁷⁶⁾ и Гроддекъ³⁷⁷⁾, не могъ возникнуть до Стесихора, у котораго, какъ мы положительно знаемъ³⁷⁸⁾, миѳъ о появленіи вооруженной Аѳины изъ головы Зевса впервые получилъ художественную обработку. Одновременно съ нимъ возникъ, вѣроятно,

³⁷³⁾ Bergk LG. I, 752.

³⁷⁴⁾ Strab. p. 646.

³⁷⁵⁾ Трудно согласиться съ Флахомъ, который относитъ VIII-й гимнъ ко времени до 23 ол. (Lyrik, стр. 42, прим.). Дату Бергка принялъ Дункеръ (V, 198).

³⁷⁶⁾ Heyne ad Apollodor. I, 3, 6.

³⁷⁷⁾ Groddeck p. 58.

³⁷⁸⁾ Schol. Apoll. Rhod. Arg. Δ 1310.

и гимнъ XXVI (къ Артемидѣ), такъ какъ оба они по весьма правдоподобному предположенію Гемолля (ad. l.) принадлежатъ перу одного автора и во всякомъ случаѣ отмѣчены чертами полнѣйшаго сходства. Для гимна XV (къ Асклеію) хронологическимъ показателемъ служить тотъ благоговѣйный тонъ, въ которомъ поэтъ обращается здѣсь къ божеству, именуя его „ἄναξ“ и заключая свое стихотвореніе словами: *λίτομαι δὲ σ' ἀοιδῆ;* известно, что ни Гомеръ, ни Гесіодъ не знаютъ еще Асклеія, какъ божество ³⁷⁹⁾, и что миѳическая фигура эта, составлявшая первоначально предметъ мѣстнаго культа въ ѳессалійской Триккѣ, весьма медленно и долго подымалась на степень панэллинскаго бога врачевства и кудесничества, чему соотвѣтствуетъ и сравнительно позднее появленіе ея въ области образовательныхъ искусствъ, — не раньше временъ Каламида (около 460 г. до Р. Х.). Гимнъ XXXII (къ Діоскурамъ) также обнаруживаетъ признаки поздняго происхожденія: гимнографъ рисуетъ передъ нами здѣсь картину морской бури, укрощаемой появленіемъ Кастора и Полидевка, которые прилетаютъ на золотистыхъ крыльяхъ на помощь погибающимъ корабельщикамъ. Уже Фоссъ и К. О. Мюллеръ указали на то, что *ξοῦθαὶ πτέρυγες*, которыми надѣляются въ нашемъ гимнѣ эти божества, представляютъ атрибутъ, совершенно незнакомый болѣе глубокой древности, и что вся фабула стихотворенія носить на себѣ слѣдъ замѣтнаго смѣшенія Діоскуровъ съ самоеракійскими Кабирами, — того смѣшенія, которое является не раньше IV-го стол., когда подъ вліяніемъ расширившихся сношеній Греціи съ анарійскимъ востокомъ вообще начинается постепенное вырожденіе греческой религіи въ пеструю амальгаму самыхъ разнородныхъ элементовъ ³⁸⁰⁾. А если это такъ, то и XVI-й гимнъ, представляющій лишь сокращеніе XXXII-го, принадлежитъ къ той же недалекой порѣ.

Что касается мѣста, къ которому слѣдуетъ приурочивать возникновеніе нашихъ проэмій, то К. О. Мюллеръ полагалъ, что всѣ они обязаны своимъ происхожденіемъ Гомеридамъ и, стало быть, родина ихъ — Малая Азія; но это врядъ ли справедливо. Мы напротивъ склон-

³⁷⁹⁾ Эпитетъ *ἀσκληπιός*, прилагаемый къ Асклеію Гомеромъ (Δ 194, Δ 835), обыкновенно сопутствуетъ лишь человѣческимъ, а не божескимъ именамъ.

³⁸⁰⁾ Срв. Roscher's Mythol. Lexicon, ст. 1163 слл.

ны думать вмѣстѣ съ Маттіэ ³⁸¹⁾, что гимнъ къ Асклепію предназначался для эпидавскихъ празднествъ въ честь этого божества и возникъ въ Пелопоннесѣ. Оба гимна къ Тиндаридамъ также, вѣроятно, принадлежали собственной Греціи, гдѣ сосредоточивались важнѣйшія мѣста ихъ чествованія ³⁸²⁾. Гимнъ къ Гефѣсту (XIX) Баумейстеръ (стр. 356) и Абель (стр. 99) съ полнымъ, какъ мнѣ кажется, правомъ относятъ къ Атикѣ, гдѣ существовало явно имѣвшееся гимнографомъ въ виду соединеніе культа Аѣины съ культомъ бога металлурга. Съ другой стороны гимны въ честь Афродиты (V, IX), Артемиды (VIII), фригійской Матери боговъ дѣйствительно скорѣе всего могли возникнуть по ту сторону Эгѣйскаго моря, — въ Кипрѣ, Кларѣ, Троадѣ и т. п. О прочихъ же нумерахъ разсматриваемой группы невозможно высказаться даже въ подобномъ гадательномъ смыслѣ, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ вопросъ все таки остается открытымъ.

3.

Вторая группа малыхъ гимновъ.

(№№ VI, VII, XIV, XVIII, XXII, XXIX—XXXI; XX, XXI, XXIV).

Второй рядъ малыхъ гимновъ открывается довольно большимъ (59 ст.) стихотвореніемъ, озаглавленнымъ въ однѣхъ рукописяхъ Διώνυσος ἢ λησταί, въ другихъ же просто — εἰς τὸν Διώνυσον ³⁸³⁾. Сюжетомъ его служить весьма извѣстный мифъ о томъ, какъ тирренскіе пираты захватили Діониса на свой корабль въ расчетѣ на получение богатаго выкупа и какъ въ наказаніе за то послѣ цѣлаго ряда чудесъ, въ которыхъ обнаружилась сверхъестественная сила юнаго бога, они были превращены въ дельфиновъ за исключеніемъ одного только кормчаго, раньше другихъ разгадавшаго божественное происхо-

³⁸¹⁾ Animadv. p. 95.

³⁸²⁾ Roscher, ст. 1164 сл.

³⁸³⁾ Chudzinski „Ubi et quo tempore ortus sit hymnus Homeri VII in Dionysum“ (Strassburg. 1886); A. Ludwig „Streifzüge in entlegene Gebiete der griech. Litteraturgeschichte“ (Königsberger Studien, 1887. I); Peppmüller „Zu den kleineren Hymnen“ (Philolog. 1888. I, стр. 20 сл.).

жденіе плѣнника. Миѡзъ этотъ является здѣсь передъ нами въ довольно неискусномъ пересказѣ: торопливо и сбивчиво, оставляя многое неразъясненнымъ и недосказаннымъ и предоставляя читателю дополнять въ своемъ воображеніи подробности, авторъ передаетъ намъ происшествіе, видимо спѣша къ концу и стараясь втиснуть богатую и разнообразную фабулу въ возможно болѣе тѣсныя рамки. Изложеніе такимъ образомъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, темно и сжато, совершенно лишено поэтическихъ красокъ, холодно, сухо и безвкусно. Стилъ поразительно небреженъ: въ ст. 4—10 семь, а въ ст. 12—16 пять предложеній подрядъ вводятся частицею *δέ*; нарѣчія *τάχα* (vv. 6, 9, 34), *θοῶς* (7), *αἶψα* (9), *αὐτίκα* (16, 23, 38), *ἐξαπίνης* (50), слѣдую одно за другимъ непрерывною цѣпью, лишаютъ рассказъ обычнаго эпическимъ повѣствованіямъ спокойствія и превращаютъ его въ какой то пестрый, удивительный фейерверкъ. Нескладныя повторенія обнаруживаютъ въ авторѣ недостатокъ технической ловкости. Въ фразеологіи замѣтна рабская зависимость отъ гомеровскихъ образцовъ и безотрадная бѣдность воображенія. Описанія отличаются утомительною отрывочностью, которая отражается и на версификаціи: гексаметры изобилуютъ такъ называемыми *caesurae minores* и вслѣдствіе этого расчленяются по большей части на небольшія *κῶλα*. Впрочемъ въ отношеніи метрики стихотвореніе не представляетъ какихъ либо рѣзкихъ отличій, что, разумѣется, при его незначительномъ объемѣ весьма понятно. Отмѣтимъ лишь одно: въ употребленіи спондеевъ видны уже явные слѣды той эпохи, когда вкусъ къ медлительно-важнымъ спондеическимъ формамъ давно утратился и *ῥοδάκτυλος στίχος* сталъ въ глазахъ поэтовъ совершеннѣйшимъ типомъ гексаметра. Въ подтвержденіе этихъ словъ можно привести цифры: стиховъ безъ спондеевъ въ гимнѣ насчитываютъ 13 ($= 21\frac{1}{2}\%$), съ однимъ спондеемъ — 28, съ двумя — 16, съ тремя — 2.

Что гимнъ къ Діонису поздняго происхожденія, это установлено уже давно, какъ признанный фактъ; но до сихъ поръ, кажется, еще никто не опредѣлялъ времени его возникновенія такою позднею датою, какъ А. Лудвихъ, къ которому здѣсь примыкаемъ и мы. Въ своей статьѣ „*Streifzüge in entlegene Gebiete der griech. Litteraturgeschichte*“ Лудвихъ подвергъ этотъ памятникъ самому всестороннему и подробному сличенію съ орфическимъ эпосомъ и пришелъ къ тому заключенію, что, если выхватить изъ „Аргонавтики“ любой отрывокъ такого размѣра,

какъ нашъ гимнъ, и сравнить его съ остальными частями той же поэмы, то сходство въ языкѣ, метрѣ и общемъ характерѣ изложенія, долженствующее при этомъ обнаружиться, не будетъ больше того, какое открывается при сопоставленіи „Аргонавтики“ съ гимномъ. Въ виду этого можно положительно утверждать, что въ настоящемъ случаѣ подъ именемъ „гомерическаго“ стихотворенія мы имѣемъ передъ собою „орфическій“ продуктъ, принадлежащій если не тому же самому поэту, который оставилъ намъ стихотворное описаніе похода Аргонавтовъ, то кому-либо изъ его школы, и относящійся, стало быть, по крайней мѣрѣ къ IV стол. по Р. Х.

Случайно или нѣтъ — за гимномъ къ Діонису (VI) тотчасъ же слѣдуетъ въ разсматриваемой коллекціи другое поэтическое произведение, такъ же, какъ и онъ, не имѣющее ничего общаго съ гомерическими проэміями и, пожалуй, тоже отмѣченное духомъ орфической поэзіи. Это — гимнъ къ Аресу (VII). Въ семнадцати гексаметрахъ, носящихъ на себѣ замѣтный отпечатокъ стихотворной манеры Нонна, неизвѣстный гимнографъ обращается къ названному божеству съ мольбою о дарованіи душевнаго мира и ниспосланіи силъ для борьбы со злыми наклонностями, — тема, совершенно не соотвѣтствующая обычному распослѣдованію вступленія. Аресъ надѣляется свойствами, которыя по замѣчанію Штолля ³⁸⁴⁾ ничуть не подходятъ къ тому представленію о богѣ войны, какое даетъ намъ „Иліада“: онъ именуется оплотомъ Олимпа, сподвижникомъ Θемиды, руководителемъ справедливыхъ, подателемъ бодрой юности и т. п.; на его планетарное значеніе указывается въ выраженіяхъ, представляющихъ повидимому буквальное заимствованіе у Прокла ³⁸⁵⁾. Все это заставляетъ приурочивать стихотвореніе къ весьма позднему времени, — приблизительно къ V стол. по Р. Х., — и думать, что автору его, находившемуся подъ сильнымъ вліяніемъ нонновой школы, были небезызвѣстны также и гимны ликійскаго философа. Мысль эта, въ недавнее время развитая А. Лудвихомъ ³⁸⁶⁾, высказывалась много раньше, и еще Маттіэ, не рѣшаясь, правда, признать генетическую связь между нашимъ гимномъ къ Аресу и философскими

³⁸⁴⁾ Roscher s. v. Ares (ст. 482).

³⁸⁵⁾ Срв. комментарий Гемолля къ ст. 7 сл.

³⁸⁶⁾ A. Ludwig Beiträge zur Kritik des Nonnos. Königsberg. 1873, стр. 90.

гимнами Прокла, указывалъ однако на ихъ сходство между собою (Animadvv. p. 98), а Мьюръ не обинуясь отнесъ уже ихъ къ одной категоріи (стр. 357). Изъ новѣйшихъ изслѣдователей это поведеніе нашло сочувствіе въ Абелѣ (стр. 93) и Эбергардѣ (Metr. Beob. II, стр. 30), совершенно примкнувшихъ къ мнѣнію Лудвига. Лишь Гемолль, побуждаемый, кажется, всего болѣе характеромъ начальныхъ девяти строкъ стихотворенія, продолжаетъ держаться воззрѣнія, высказаннаго еще Рункеномъ (Er. crit. I p. 60) и принятаго затѣмъ Германномъ, который далъ мѣсто седьмому гомерическому гимну въ своей коллекціи орфическихъ произведеній и снабдилъ его слѣдующею замѣткою: „*piaculum fecissem, nisi hunc hymnum, qui inter Homericos legitur, Orphicis addidissem*“ (Orp. p. 353).

Съ бѣльшимъ однако правомъ можно, мнѣ кажется, приписать орфическое происхожденіе XXII-му гимну, — *εἰς ὕπατον Κρονίδην*. Онъ представляетъ небольшое молитвенное воззваніе къ Зевсу и лишенъ обычной прозіямъ клавзулы, мѣсто которой занимаетъ здѣсь простое „*miserere*“ (*ἰλγθι*). Кронидъ сопоставляется съ Ѳемидою, съ которою онъ, какъ съ нѣжною супругою, ведетъ интимный разговоръ (*δάρους δαρίζει*). Пара эта находитъ себѣ соотвѣтствіе въ орфическомъ гимнѣ къ Дикѣ (LXII, 2) и имѣетъ, очевидно, аллегорическое значеніе, врядъ ли нуждающееся въ какихъ либо поясненіяхъ. Непрерывное нагроможденіе эпитетовъ призываемаго божества также напоминаетъ манеру Орфиковъ.

Слѣды той же манеры видны и въ гимнахъ XXIX—XXXI, едва ли не самыхъ загадочныхъ изъ всего сборника. Эти три стихотворенія, стоящія рядомъ и явно находящіяся между собою въ тѣснѣйшей внутренней связи, принадлежатъ, вѣроятно, одному и тому же автору. Данныя, на основаніи которыхъ подобное заключеніе возможно, состоятъ въ слѣдующемъ: а) всѣ они весьма удобно дѣлятся на строфы и по объему своему, если не считать клавзулъ, совершенно равны (16 стт.); б) ихъ сюжеты родственны, стиль одинаковъ, языкъ обнаруживаетъ черты поразительнаго сходства; в) въ своей совокупности они составляютъ циклъ, заключающій въ себѣ прославленіе солнца, луны и земли; г) клавзулы ихъ значительно отличаются отъ тѣхъ, которыми снабжены другіе нумера коллекціи, и въ тоже время весьма похожи между собою (срв.

XXIX, 18: *πρόφρων δ' ἀντ' ὠδῆς βίοτον θυμῆρε' ὀπαζε*; XXX 17; *χαῖρε, ἄναξ, πρόφρων δὲ βίον θυμῆρε' ὀπαζε*. *ἐκ σέο δ' ἀρξάμενος κλήσω μερόπων γένος ἀνδρῶν ἡμιθέων κτλ.* XXXI, 17 сл. *χαῖρε, ἄνασσα.... πρόφρων, εὐπλόκαμος· σέο δ' ἀρχόμενος κλέα φῶτων ἄσομαι ἡμιθέων κтл.*); е) въ метрическомъ отношеніи во всѣхъ трехъ гимнахъ замѣтно преобладаніе чистыхъ дактилическихъ формъ; наконецъ f) миѳическая концепція, въ нихъ обнаруживающаяся, вездѣ одинаково отличается исключительно элементарнымъ характеромъ, причемъ XXX, 3, очевидно, стоитъ въ зависимости отъ XXIX, 17 ³⁸⁷). На позднее происхожденіе указываютъ такія формы и реченія, какъ *ὦ δῆ* (XXIX, 18; XXXI, 2), *ὕμνεῖν* (XXX, 1), *χρυσῆς* (ib. 10), *ἐνδιάομαι* (XXXI, 16), — далѣе, такіе изысканные эпитеты какъ *ἡυθέμεθλος*, *ῥοδοπῆγος* (вм. гомерическаго *ῥοδοδάκτυλος*), *διχόμηνος* и т. п. Иногда видно желаніе автора блеснуть своею миѳологическою ученостію: въ гимнѣ къ солнцу упоминается какая то Эврифаэсса, о которой мы изъ другихъ источниковъ ничего не знаемъ, а въ гимнѣ къ лунѣ говорится о столь же неизвѣстной Пандіи.

Такимъ образомъ общее впечатлѣніе, производимое на читателя стихотвореніями, не таково, чтобы можно было считать ихъ среди гомерическихъ прозмѣй совершенно на своемъ мѣстѣ. Особенно рѣзко отличаются они отъ этихъ послѣднихъ тономъ своимъ, — скорѣе лирическимъ, нежели эпическимъ. Все, — и строгое соблюденіе строфической формы, и напыщенность стила, не встрѣчающая себѣ соотвѣтствія въ прочихъ гимнахъ нашей коллекціи, и содержаніе, врядъ ли подходящее къ цѣли и назначенію прозмѣи, — побуждаетъ насъ видѣть въ настоящемъ случаѣ не живой продуктъ рапсодической поэзіи, а искусственное произведеніе какого либо грамматика, — быть можетъ, не вполне свободнаго отъ вліянія со стороны орфизма и подражавшаго какимъ то неизвѣстнымъ намъ типамъ, — я полагаю, болѣе древнимъ, нежели дошедшіе до насъ нумера сборника. Что же касается клавзулъ, указывающихъ на имѣющую за прозмѣемъ послѣдовать рецитацию, то онѣ, вѣроятно, не имѣли реальнаго значенія и даже, можетъ быть,

³⁸⁷) Срв. Геммоль ad II. O. Crusius Zu den hom. Hymnen (Philol. 1888. Стр. 208); A. Ludwich Zu d. hom. Hymnen (Rhein. Mus. 1888. Стр. 567); Peppmüller Zu d. hom. Hymnen (Philolog. 1888. Стр. 22 сл.).

представляют просто плод заимствования изъ того запаса стереотипныхъ формулъ, которымъ былъ богатъ репертуаръ греческаго рапсода.

Болѣе близкое хронологическое опредѣленіе дать конечно врядъ ли возможно, но, если позволительно высказать личное мнѣніе, которое покамѣстъ должно остаться на степени простой догадки, то и приурочилъ бы гимны XXIX — XXX къ византійскимъ временамъ, — къ тѣмъ самымъ временамъ, когда возникъ повидимому и XIV-й номеръ сборника, — гимнъ εἰς Ἡρακλέα λεοντοθύμον. Это послѣднее стихотвореніе имѣетъ совершенно оригинальную фizioномію: во первыхъ, оно не содержитъ въ концѣ никакого указанія на агонъ, но заключается короткою молитвою о дарованіи счастья (εὐβος) и доблести (ἀρετή); во вторыхъ, сюжетомъ его служить вся жизнь Геракла отъ рожденія до вознесенія героя на Олимпъ и его сочетанія бракомъ съ Гебою, — однако все это лишь въ предѣлахъ девяти гексаметровъ, составляющихъ матеріальный объемъ гимна. Миѣ о подвижнической жизни зевсова сына, завершающейся его апофеозомъ, переданъ при этомъ въ такой формѣ, что нельзя не замѣтить скрывающейся подъ его оболочкою аллегоріи. Метрическія особенности соотвѣтствуютъ общему характеру памятника: мы имѣемъ здѣсь три чистыхъ дактилическихъ стиха (33%) и всего 18 спондеевъ изъ общаго числа 54 стопъ; цезура хатὰ τρίτον τροχῶν безусловно преобладаетъ; гіать тщательно избѣгается. Вообще небольшое по размѣрамъ стихотвореніе отличается изяществомъ и стилистическою выглаженностью. Его автору нельзя отказать ни во вкусѣ, ни въ технической ловкости.

Наконецъ остается сказать нѣсколько словъ о гимнѣ къ Пану (XVIII), который не перестаетъ подавать поводъ къ самымъ разнообразнымъ мнѣніямъ и предположеніямъ, благодаря трудностямъ своей композиціи. По мнѣнію Гроддека ³⁸⁸⁾ гимнъ этотъ представляетъ комплексъ двухъ отдѣльныхъ эпическихъ фрагментовъ, изъ коихъ одинъ (ст. 28 — 49) попалъ сюда изъ какой то „*Θεογονіи*“, а другой (ст. 1 — 27) относится къ роду дионрамбическихъ стихотвореній. Дѣйствительно обѣ выдѣленныя имъ части по содержанію замѣтно отличаются одна отъ другой: въ первой описывается рожденіе божества, во второй — его скитаніе по горамъ, лѣсамъ и доламъ въ обществѣ нимфъ, съ

³⁸⁸⁾ Groddeck, p. 50 sqq.

которыми онъ по вечерамъ, утомившись послѣ охоты, поетъ или пляшетъ, подыгрывая на своей свирѣли. Въ виду такого различія дѣленіе Гроддека встрѣтило одобреніе со стороны А. Маттіэ ³⁸⁹⁾, а въ недавнее время и со стороны Гуттманна ³⁹⁰⁾, усмотрѣвшаго даже формальную разницу между обоими фрагментами. Напротивъ въ пользу единства стихотворенія высказался уже Ильгенъ ³⁹¹⁾, къ которому впоследствии примкнули и прочіе изслѣдователи (Баумейстеръ, Кёнъ, Гемолль и др.). Лудвихъ, какъ водится, также оказался въ лагерѣ сторонниковъ единства, но потребовалъ кореннаго измѣненія въ текстѣ памятника, который восстанавливается имъ въ слѣдующемъ видѣ: стт. 1 — 7, 12 — 29, 8 — 11, 30 — 37, 40, 39, 38, 41 — 49 ³⁹²⁾. Однако реконструкція кёнигсбергскаго ученаго не замедлила встрѣтить серьезную и основательную критику въ статьѣ Пеннмюллера, помѣщенной въ журналѣ „Philologus“ за нынѣшній годъ и заключающей въ себѣ подробный анализъ гимна къ Пану вмѣстѣ съ его стихотворнымъ переводомъ (стр. 1 слл.). Здѣсь между прочимъ доказывается, что спорное произведеніе не только вполне цѣльно, но и довольно стройно расчленено по схемѣ нома. Такъ его вступленіе, въ которомъ поэтъ заявляетъ о своемъ намѣреніи воспѣть Пана и сопутствующихъ ему нимфъ, правильно дѣлится на два хѣла, — стт. 1 — 3 (ἀρχά) и 4 — 7 (μεταρχά); стт. 8 — 18, описывающіе охотничьи подвиги бога, и затѣмъ стт. 19 — 26, посвященные изображенію его вечернихъ забавъ, свободно могутъ быть подведены подъ категоріи κατὰ τροπὰ и μετακατὰ τροπὰ; мѣсто о рожденіи Пана составляетъ (ст. 27 — 47) средоточіе поэмы (ὁμολόγος), а заключается она обычнымъ эпилогомъ (ст. 48 сл.).

Формальные и поэтическія достоинства гимна признаны всѣми, и Лудвихъ даже не колеблется отнести его возникновеніе къ классическому періоду греческой поэзіи, — разумѣется, послѣ марафонскаго

³⁸⁹⁾ Animadvv. p. 98 sqq. Впоследствии впрочемъ Маттіэ измѣнилъ свое мнѣніе (срв. его изданіе гимновъ, стр. 341).

³⁹⁰⁾ Guttman p. 53. — О. Зеекъ пошелъ еще дальше и разбилъ гимнъ къ Пану на три самостоятельныхъ фрагмента: I стт. 1—7; II стт. 8—26; III стт. 30—49; стт. 27—29 вставлены по мнѣнію Зеека діаскевастомъ, соединившимъ фрагменты въ одно цѣлое. Срв. ук. соч. стр. 384.

³⁹¹⁾ Ilgen p. 577.

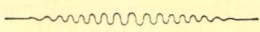
³⁹²⁾ A. Ludwich. Der Hom. Hymnus auf Pan (Rh. Mus. 1887. Стр. 547 слл.)

сраженія, когда культ Пана былъ впервые введенъ въ Аѳинахъ (ибо въ языкѣ гимна находятъ признаки аттическаго происхожденія). Но это едва ли вѣрно. Напротивъ, по всей вѣроятности стихотвореніе принадлежитъ несравненно болѣе поздней эпохѣ, — скорѣе всего времени александрійской образованности, и въ подтвержденіе этого можно сослаться на данныя, собранныя Гуттманномъ I. I. и Гемоллемъ (стр. 334). А если дѣйствительно такая дата истинна, то и аттицизмы, попадающіеся въ нашемъ текстѣ, не имѣютъ того значенія, какое приписываетъ имъ Вилам.-Мёллендорфъ (aus Kydath., стр. 224 сл.): гимнъ могъ возникнуть далеко за предѣлами Атики.

Разъ мы согласились видѣть въ произведеніяхъ рассмотрѣнной категоріи, къ которымъ готовы, пожалуй, еще присоединить и №№ XX, XXI, XXIV, продукта столь поздняго времени — естественно является вопросъ: какъ могли они попасть въ сборникъ, составленный, какъ мы видѣли, вѣроятно, въ первое христіанское столѣтіе? Отвѣтъ можетъ быть данъ двоякій: одни стихотворенія, какъ №№ VI, VII, — быть можетъ, XXXIII, были перенесены въ нашу коллекцію, очевидно, ошибкою, — при перепискѣ какого либо разбитаго и разрозненнаго *codex miscellaneus*, въ которомъ гимны Орфея и Прокла находились вмѣстѣ съ гимнами гомерическими; другія же, какъ №№ XIV, XXIX — XXX и проч., могли быть и намѣренно включены въ число древнихъ проэмій, такъ что, стало быть, коллекція съ теченіемъ времени умножалась и разнообразилась.

Всѣ гимны, до насъ дошедшіе, снабжены въ рукописяхъ соотвѣтствующими надписями. Послѣднія повидимому были редижированы много позже составленія сборника и зачастую не вполне согласуются съ содержаніемъ стихотвореній: такъ напр. гимнъ XVIII, озаглавленный словами: *εἰς ἑστίαν*, на самомъ дѣлѣ обращенъ къ двумъ божествамъ, — Гестіи и Гермесу; подобнымъ же образомъ въ гимнѣ „къ Гефѣстѣ“ (XIX, — *εἰς Ἡφαίστου*) призывается наряду съ этимъ божествомъ также и Аѳина. Въ языкѣ надписи тоже нерѣдко отличаются отъ текста: въ нихъ преобладаютъ аттическія формы, въ текстѣ іоническія. Что онѣ вообще составляютъ неорганическое прибавленіе посторонней руки, — это между прочимъ видно и изъ того внѣшняго обстоятельства, что въ амвросіанскомъ манускриптѣ онѣ иногда занимаютъ мѣсто на поляхъ, причемъ гимны слѣдуютъ одинъ за другимъ

сплошнымъ рядомъ. Впрочемъ думать, какъ Гемолль (стр. 344), будто бы всё онѣ возникли лишь въ византійскую пору, мы не имѣемъ основанія: если № XIV дѣйствительно относится къ тому времени, къ которому мы его отнесли, то ссылка на его заглавіе (εἰς Ἡρακλέα λεοντοθύμον) ничего не доказываетъ.



ПРИБАВЛЕНІЕ.

Къ стр. 24 сл. Самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ принадлежности гимновъ Гомеру высказывается анонимный біографъ поэта: οὐδὲν δὲ αὐτοῦ θετέον ἔξω τῆς Ἰλιάδος καὶ τῆς Ὀδυσσεΐας· ἀλλὰ δὲ καὶ τοὺς ὕμνους καὶ τὰ λοιπὰ τῶν εἰς αὐτὸν ἀναφερομένων ποιημάτων ἡγητέον ἀλλότρια, καὶ τῆς φύσεως, καὶ τῆς δυνάμεως ἕνεκα.

Къ стр. 37 слл. Какъ произошелъ пропускъ: σάνδαλα.....(κ') ἔριψεν въ кодексахъ LE? Замѣчательно, что рукописи πD въ полномъ соотвѣтствіи съ M даютъ правильное чтеніе δ' αὐτίκ'. Такое совпаденіе тѣмъ болѣе удивительно, что слово αὐτίκα несовсѣмъ здѣсь кстати и врядъ ли могло попасть въ списки πD, благодаря конъектурѣ того переписчика, которымъ былъ изготовленъ ихъ непосредственный оригиналъ. Срв. напр. Schneidewin ad l.

Къ стр. 107. Со словъ проф. В. В. Латышева (Очеркъ греч. древностей, I², стр. 312) я знаю, что проф. Θ. Θ. Соколовъ относитъ дѣлійскій гимнъ къ концу VI стол. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны ближе тѣ основанія, которыя побудили почтеннаго петербургскаго ученаго принять такую дату.

Къ стр. 131. Пропускъ слѣдуетъ послѣ словъ: ἄμφω δ' ἐς φιλότιμα συνήγαγε, а не предшествуетъ имъ, какъ думаютъ Баумейстеръ, Абель и Гемолль: Зевсъ утверждаетъ и укрѣпляетъ состоявшееся между сыновьями его мирное соглашеніе и точнымъ опредѣленіемъ функций новоявившагося божества полагаетъ конецъ посягательствамъ со стороны Гермеса на чуждыя ему области компетенціи прочихъ божествъ. Такая примирительная роль вполне подобаеъ отцу безсмертныхъ и смертныхъ и совершенно соотвѣтствуетъ художественному замыслу поэта.

Къ литературнымъ примѣчаніямъ. Пропущена ссылка на соч. Dunbar'a „A complete concordance to the Odyssey and hymns of Homer, to which is added a concordance to the parallel passages in the Iliad, Odyssey a. hymns“ (Oxford. 1880). Книга попала въ мои руки уже послѣ того, какъ печатаніе настоящей работы было закончено.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
2	2 сверху	вѣскимъ	вѣскимъ
9	2 снизу	ἔχουσα	ἔχουσα
15	18 сверху	гомерическія	гомерическіе
37	1 снизу	вѣскимъ	вѣскимъ
44	14 "	въ продолженіе	випродолженіе
55	18 "	не совсѣмъ	несовсѣмъ
63	17 "	съ другой—	съ другой стороны
74	4 сверху	стиховъ,	стиховъ
79	14 "	cog-novimus	co-gnovimus
84	10 снизу	Богъ ли то	Богъ ли то,
92	4 "	ὀρχηστῆς	ὀρχηστῆς
94	2 "	hystory	history
95	14 "	по морѣ	по морю
"	6 "	Группе)	Группе
97	17 сверху	ни кому	не кому
"	10 снизу	ни чѣмъ	ничѣмъ
101	8 сверху	} большого	} большого
110	13 снизу		
132	4 "		
139	8 сверху		
140	4 "	} другого	} другого
141	4 "		
101	7 снизу		
102	4 сверху		
"	19 "	} не смотря	} не смотря
103	6 "		
105	16 "		
106	7 снизу		
108	15 сверху	возни-кновенія	возник-новенія
"	17 снизу	рап-содъ	ра-исодъ
113	7 "	Беотіи	Бэотіи
114	4 сверху	ни кто	не кто
117	13 снизу	} не смотря	} не смотря
119	8 сверху		
121	19 "		
124	15 снизу		
129	15 "	μῆγ	μῆγ
139	15 "	ни что	не что
140	10 сверху	другого	другаго
153	4 "	η δ' ἄρ'	ἡ δ' ἄρ'

